

ГЛАВА IV

ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СДВИГА В АРАБСКОМ МИРЕ

УТВЕРДИТСЯ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ АРАБСКОЙ СМУТЫ?¹

А.Р. Шишкина

Данная статья посвящена рассмотрению основных характеристик гражданского общества с точки зрения западной традиции и их применимости к реалиям арабских стран в условиях социально-политического кризиса. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день такие важные показатели как уровень политической мобилизации населения, участие женщин в общественно-политической жизни общества, образование молодежи и др. в арабских странах находятся в развитии, оказывая заметное влияние на кумуляцию протестной активности.

Традиция изучения институционализированных форм гражданского общества восходит к западной культуре, где оно в большинстве случаев рассматривается как сфера добровольной общественной жизни и своеобразный буфер между государством и его гражданами. Главной функцией структур гражданского общества, таким образом, является выражение интересов различных групп населения и осуществление тех или иных действий для их удовлетворения.

Однако понятие гражданского общества прочно вошло и в политическую культуру арабского мира: так, по словам С. Йома, должностные лица используют этот термин, чтобы продвигать свои проекты мобилизации и модернизации, исламисты – чтобы занять свое место в общественном

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-03615).

пространстве, а независимые активисты и интеллигенция – для расширения границ индивидуальной свободы (Bellin 1954). Как правило, гражданское общество в этих случаях представляется как поле взаимодействия различных групп, ассоциаций, клубов, объединений, партий и т.д., способных выступать в качестве своеобразного буфера между государством и гражданами (Yom 2005).

Несмотря на существенную роль фактора спонтанности в подготовке и дальнейшем развитии событий “арабской весны”, среди наиболее очевидных организаторов протестных акций стоит все-таки выделить, например, «Движение 6 апреля» в Египте – группу единомышленников, созданную Ахмадом Махиром весной 2008 г. с целью поддержки забастовки рабочих города ал-Махалла ал-Кубра, а также онлайн-движение “Все мы Халид Саид”, организованное упомянутым выше Ваэлем Гонимом после убийства полицейскими александрийского блоггера Халида Саида.

Примечательно, что сторонники «Движения 6 апреля» выбрали в качестве своего логотипа сжатый кулак – символ, использовавшийся ранее другими молодежными организациями: «Отпор» в Сербии, «Кмара» – в Грузии и др. Изначально, в 2008 г., движение не было активно вовлечено в забастовку, оказывая протестующим организационную, техническую и юридическую поддержку. Примерно такую же роль оно играло и в событиях 2011 г. – его активисты распространяли информацию, устанавливали контакты посредством Интернет-технологий с потенциальными участниками и т.п.

Стоит также упомянуть и «Египетское движение за перемены», больше известное под названием «Кифая» («Хватит!»), в деятельности которого нашел свое отражение «новый формат» египетской оппозиции, базирующийся на поддержке со стороны разнородных политических сил, включая насеристов, исламистов, секуляристов, либералов и т.д. Первая волна протестов с участием этого движения относится к 2005 г., когда его представители собрали митинг на площади Тахрир, выступая против президентства Х. Мубарака, а также возможности передачи власти его сыну Гамалю (Сапронова, 2011). В 2011 г. «Кифая» благодаря активистам, подкованным в области средств виртуальной коммуникации, присоединилось к акциям протеста.

Таким образом, можно заключить, что после начала протестов в 2011 г. в политическом поле Египта существовало несколько довольно разрозненных групп – таких как «Движение 6 апреля», «Движение 25 января», «Движение 9 марта», молодежи за свободу и справедливость. Тем не менее, они не смогли стать консолидированной силой и объединились лишь 25 января на площади Тахрир.

Что касается оппозиции, то в этом случае наибольший интерес вызывает Сирия, где оказалось наиболее четко выраженным разделение оппо-

зиционных сил на внутренние и внешние. Так, первые, ядром которых выступал Координационный совет за демократические перемены, характеризовались в основном разобщенностью (как, впрочем, и в других странах «арабской весны»), а также в целом лояльным отношением к действующей власти, что во многом может объясняться заметным влиянием на молодых людей Национального союза сирийских студентов – авторитетной организации, владеющей значительными ресурсами и выступающей против революционных настроений. Вторая же группа представлена в первую очередь т.н. Свободной сирийской армией (ССА) – организацией, пользующейся поддержкой со стороны «Братьев-мусульман» и состоящей в основном из дезертировавших военных. Штаб-квартира ССА находится в Турции (Шишкина 2013). ССА проводила операции, направленные против военных, служб безопасности, устраивала нападения на транспортные объекты и т.д., выступая в качестве одного из главных сторонников иностранной военной интервенции на территорию Сирии. Стоит отметить, что последнюю группу мы не можем рассматривать в качестве одной из структур гражданского общества в силу ярко выраженного насильственного характера действий ССА.

Итак, несмотря на то, что понятие гражданского общества принято ассоциировать с западной концепцией, оно принципиально не чуждо арабскому миру, поскольку может включать в себя не только политические или профессиональные объединения, но и другие группы, в том числе религиозные, торгово-промышленные, научно-исследовательские и пр. (Валлионатос 2012); кроме того, арабским государствам удалось выработать механизм формирования гражданских организаций, в том числе в силу западного влияния – подобная точка зрения отстаивается как арабоязычными активистами и правозащитниками, так и западными экспертами, - в частности, С. Ибрагимом (Ibrahim 2005), Т. Ниблоком (Niblock 2005), Л. Куббой (Kubba 2008) и другими. Как бы то ни было, события, начавшиеся в 2011 г. в арабских странах, показали как наличие в них гражданского общества, так и его слабость.

Разумеется, существование различий в развитии гражданского общества в западных странах и на Ближнем Востоке представляется неоспоримым фактом. Так, многими мыслителями (от М. Лютера, Ж.-Ж. Руссо и И. Канта до Ф. Хайека и Р. Инглхарта) подчеркивалось, что одной из основных характеристик западного общества является индивидуализм, где на первый план выходит приоритет личностных интересов и целей, а также высоко ценится активная гражданская позиция. В арабском мире, напротив, групповое мышление выступает в качестве основополагающей ценности, а «статус режима считается более важным, нежели обеспечение прав и свобод личности или развитие частных инициатив» (Samad 2007). Учитывая перечисленные выше характеристики, можно предположить,

что информационно-коммуникационные технологии оказали значительное влияние на молодое поколение в арабских странах (Karolak 2011), фактически формируя новую форму социальности и групповой идентичности, однако технологии сами по себе, как уже было неоднократно отмечено, не являются достаточным условием обеспечения социальной и политической активности.

Профессор Дублинского университета Ф. Каваторта отмечает, что определение гражданского общества не стоит ограничивать рассуждениями о формальных организациях и движениях, которые не дают представления о полноте форм «выражения себя» обществом (Cavatorta 2012). Существует множество других способов взаимодействия людей, способных бросить вызов авторитарному режиму – от индивидуальных записей, художественных форм выражения недовольства до массового политического участия. Подобные формы вовлечения в политическую жизнь могут быть активизированы при наличии определенных событий-триггеров – как, например, акты самосожжения в Тунисе, Египте и других странах. Каваторта приходит к выводу, что это свидетельствует о высоком уровне гражданской активности в различных ее формах в период до начала активных действий, а также указывает на жизнеспособность гражданского общества, даже в условиях репрессивных мер авторитарных режимов.

Несмотря на то, что идеи активизации и омоложения гражданского общества в арабских странах провозглашались задолго до начала событий «арабской весны», реальность такова, что его представителям так и не удалось направить арабские государства на путь демократического транзита путем подрыва оснований их авторитарных институтов (Yom 2005). Так, к примеру, наиболее заметные демократические шаги в регионе Ближнего Востока и Северной Африки – выборы в Палестине, Ираке и Ливане – стали результатом не многолетней напряженной борьбы активистов в этих странах, а были вызваны политическими и военными потрясениями: внезапной смертью Ясира Арафата, военным свержением режима Саддама Хусейна и международной напряженностью относительно вывода сирийских войск, соответственно. Арабские автократии, таким образом, действительно переживали коллапс, однако он был вызван иностранным вмешательством и внутренними политическими факторами, но не вследствие давления со стороны граждан.

С учетом вышесказанного можно заключить, что на современном этапе политического развития арабских государств череда потрясений, получившая название «арабской весны», стала уникальным примером реальных проявлений гражданского общества, результатом чего стала в некоторых случаях тотальная смена политической обстановки в стране. Одним из возможных объяснений того, почему подобные трансформации не произошли раньше, может быть то, что отдельные негосударственные объ-

единения не были в состоянии мобилизовать критической массы своих сторонников, поскольку в большинстве своем они являются ориентированными на решение какой-либо конкретной проблемы (Langohr 2004). Кроме того, зачастую члены подобных объединений проявляют значительную степень пассивности и апатии.

К началу событий 2011 г. накопился достаточно серьезный уровень недовольства экономической и социально-политической ситуацией среди населения арабских стран, на который наложились новые способы и каналы мобилизации протестной активности в виде Интернет-технологий.

В ходе протестов «арабской весны» наблюдалась следующая картина: зачастую власть оказывалась неготовой к подобным проявлениям протестной активности и неверно оценивает угрозу со стороны протестующих, допуская фатальные для нее ошибки? С нашей точки зрения, в современном мире это может (в числе прочего) объясняться стремительным развитием Интернет-технологий, дающим оппозиции возможность готовить протестный потенциал в виртуально, не контролируемой властью реальности. Дело в том, что власть, привыкшая полностью контролировать информационные потоки т.н. традиционных СМИ – телевидения, радио, печатной прессы и т.п., – в большинстве случаев недооценивает мобилизационный потенциал новейших средств массовой коммуникации. Последние же, в свою очередь, характеризуются не только способностью мгновенного распространения любой информации, но и широкими возможностями обратной связи, а также предельно сниженным уровнем мобилизационных затрат. Таким образом, в условиях довольно низкого уровня доверия к власти, как это было во время «арабской весны», существенная часть коммуникаций относительно властных отношений, в первую очередь оппозиционных, переносится в виртуальную сферу, фактически выходя из-под контроля правительственной цензуры (Исаев, Шишкина 2014).

Стоит также добавить, что данные процессы порождают такой формат коммуникации, при котором отсутствуют ярко выраженные идеологические факторы и узнаваемые лидеры протестных движений. Пожалуй, именно эта черта стала принципиально новой по сравнению с подготовкой протестов, осуществлявшейся посредством традиционных СМИ. В данном случае можно сказать, что власть обычно взаимодействовала с оппозицией «старого» образца, представленной харизматическими лидерами и оперировавшей более или менее четкими идеологическими программами. В рассматриваемых нами случаях она была вынуждена столкнуться с непривычным форматом оппозиционной активности, не успела перестроиться под новые обстоятельства и, как следствие, стала допускать ошибки.

Такие характеристики Интернет-пространства как повсеместное пространство, возможность обратной связи, отсутствие четко узнаваемых лидеров и т.п. формируют новую логику общественного взаимодействия по сравнению, скажем, с традиционными СМИ. Соответственно, складываются и другие формы выражения недовольства и протестной активности. Большая часть коммуникации в данном случае происходит посредством т.н. социальных медиа. Этот термин используется для описания нового поколения цифровых сетевых информационно-коммуникационных технологий. Они могут быть облачены в самые разные формы – Интернет-форумы, блоги, хостинги медиа-файлов и пр. Ключевой характеристикой этого типа медиа выступает возможность одновременно создавать контент и потреблять информационную продукцию. Основными функциональным и смысловым отличием социальных медиа от других видов массовой информации и коммуникации являются анонимность, возможность возникновения обратной связи и отсутствие ярко выраженных лидеров или авторов (как в литературно-новостном аспекте, так и в вопросах формирования социальных движений нового типа).

Предварительно резюмируя сказанное, хотелось бы снова обратиться к концепциями гражданского общества и вспомнить теорию Ю. Хабермаса, согласно которой одной из ключевых форм становления общественности выступает политическое пространство, а именно – кофейни, клубы, кружки или дискуссионные клубы, где обсуждались те или иные общественные вопросы (Habermas 1991). По мнению Хабермаса, распространение печатных средств массовой информации способствовало политизации общественной жизни и стимулировало политическую активность граждан. Проецируя подобные размышления на современную ситуацию и допустив, что виртуальные площадки коммуникации структурно воспроизводят описанные выше формы общественного взаимодействия (причем с гораздо более высоким мобилизационным потенциалом по причине стирания социальных, имущественных и культурных границ), можно заключить, что Интернет-технологии в значительной степени способствовали формированию и укреплению публичной сферы в арабских странах.

Вовлечение молодежи арабских стран в политическую жизнь было в значительной степени определено массовыми протестами в Тунисе и Египте, где именно она играла главную роль. Протесты в арабских странах вдохновили демонстрации в других регионах мира, и главной чертой этих процессов является формирование остро проявляющегося нового чувства гражданственности. Б. Шалланд отмечает, что, несмотря на то, что

некоторые моменты были характерны именно для ближневосточных стран, в целом протесты арабского мира ознаменовали собой радикальный разрыв с точки зрения упомянутого нового чувства гражданственности, основанного на двух базовых революционных принципах (Challand 2013). Первым из них выступает логика включения в протестную активность, основывающаяся на растущем уровне национальной идентификации: люди выступали не только в защиту своих собственных интересов, но готовы были взять на себя ответственность за социально уязвимые слои общества. Участие женщин в демонстрациях может служить ярким примером в этом случае. В качестве второго принципа можно рассматривать так называемый презентизм – ориентация участников протестных действий на текущее время, метод ведения диалога здесь и сейчас, когда отсрочки неприемлемы. Впрочем, именно такого рода поспешность привела к тому, что большинство требований протестующих не были удовлетворены, поскольку реформы так или иначе оказываются растянутыми во времени.

В настоящее время основным вызовом, с которым столкнулась молодежь как движущая сила протестных действий, является создание общей платформы для дальнейшего взаимодействия и выстраивания диалога разрозненных в культурном и идеологическом плане групп. Если спонтанная мобилизация позволяла обойти эти различия, коллективные действия и массовые демонстрации были успешными, то для дальнейшего развития механизмов гражданского общества и эффективных инструментов дальнейших изменений необходимы дополнительные условия и усилия со стороны его представителей (Halaseh 2012).

На первый взгляд может показаться, что восстания в арабских странах знаменуют собой конец эпохи «воинственных» проявлений гражданского общества. Спонтанность и низовая организация протестов говорят об антиправительственной направленности действий, осуществляющихся вне рамок формальных политических институтов. В этом случае стоит особо подчеркнуть, что такого рода гражданское общество формируется и обретает свои главные черты именно в ходе восстания, чем существенно отличается, к примеру, от реформистских проявлений гражданского общества в западных странах (Bottici, Challand 2012). Гражданское общество в арабском мире имеет довольно мало общего с «профессиональным», либеральным гражданским обществом, о котором говорят западные политические теории – так, в первом случае антирежимные демонстрации были результатом спонтанной агрегации людей и требований, а не итогом существования правозащитных организаций или НКО, на протяжении многих лет финансируемых влиятельными структурами. Спонтанность, впрочем, не означает неподготовленности, а лишь указывает на наличие другой логики взаимодействия и объединения людей: протестующим в араб-

ских странах просто не нужны были привычные организационные структуры и финансирование для мобилизации – их во многом заменили каналы медиа-коммуникации.

По мнению Дж. Буза, гражданское общество в арабском мире основывается на нескольких типах общественных объединений (Boose 2012): во-первых, это исламистские организации, пропагандирующие ислам и распространяющие религиозные постулаты. Этот тип организаций несет в себе потенциальный риск радикализации. Другой тип – некоммерческие организации, основанные на опыте западных стран и занимающиеся предоставлением услуг, в первую очередь в сфере профессиональной подготовки и др. Третий вид организаций связан с профессиональными объединениями. Существуют также общества солидарности и продемократические организации (Sean 2005).

Важность развития инструментов гражданского общества применительно к арабским странам особенно отчетливо проявляется на фоне политической культуры арабского мира, не в полной мере расположенной к такого рода проявлениям гражданской активности. Принято считать, что основными препятствиями на пути развития гражданского общества в рассматриваемом регионе являются следующие: участие женщин в политической и общественной жизни страны, образование молодежи, а также проблемы политического участия. Волна протестов 2011-2012 гг. показала, что на сегодняшний день каждый из этих показателей в арабских странах находится в развитии, оказывая заметное влияние кумуляцию протестной активности.

Библиография

Валлионатос С. 2012. Арабское гражданское общество на перепутье демократизации: влияние Арабской весны. *Neighborhood Policy Paper*. URL: [http://www.khas.edu.tr/cms/cies/dosyalar/files/NeighbourhoodPolicyPaper\(10\)RussianVersion.pdf](http://www.khas.edu.tr/cms/cies/dosyalar/files/NeighbourhoodPolicyPaper(10)RussianVersion.pdf)

Исаев Л.М., Шишкина А.Р. 2014. Соблазненные революцией // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. № 2. С. 21-33.

Шишкина А.Р. 2013. Сирия: секреты стойкости режима // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* / Отв. ред.: Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, А. В. Коротаев. М.: ЛЕНАНД. С. 323-353.

Bellin E. 1954. Civil Society: Effective Tool of Analysis for Middle East Politics? *PS*. P. 510.

Boose J. W. 2012. Democratization and Civil Society: Libya, Tunisia and the Arab Spring // *International Journal of Social Science and Humanity*, Vol. 2, No. 4.

Bottici C., Challand B. 2012. Civil Society in Revolt: From the Arab Spring to Occupy Wall Street. *Jadaliyya*, 30.10.2012. URL: http://www.jadaliyya.com/pages/index/8073/civil-society-in-revolt_from-the-arab-spring-to-oc

Cavatorta F. 2012. Arab Spring: The Awakening of Civil Society. A General Overview. *IEMed Mediterranean Yearbook Med.* 2012. URL: http://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxius-adjunts/anuari/med.2012/Cavatorta_en.pdf

Challand B. 2013. Citizenship against the Grain. Locating the Spirit of the Arab Uprisings in Times of Counter-Revolutions? // *Constellations*, Vol. 20, Issue 2.

Habermas J. 1991. The Structural Transformation of the Public Sphere. MIT Press Edition.

Halaseh R. 2012. Civil Society, youth and the Arab Spring. URL: http://www.um.edu.mt/_data/assets/pdf_file/0012/150411/Chapter_13_-_Rama_Halaseh.pdf

Ibrahim S.E. 2005. Civil Society and Prospects for Democratization in the Arab World // *Civil Society in the Middle East*. Edited by Richard Augustus Norton, 28. Leiden: E.J.Brill.

Karolak M.M. 2011. Civil Society and Web 2.0 Technology: a Study of Social Media in the Kingdom of Bahrain. *Arab Media & Society*. Issue 14, Summer 2011. URL: <http://www.arabmediasociety.com/?article=773>

Kubba L. 2008. The awakening of civil society // *Islam and Democracy in the Middle East*. Edited by Larry Diamond, Marc F. Plattner and Daniel Brumberg, 28-29. Baltimore: The John Hopkins University Press.

Langohr V. 2004. Too Much Civil Society, Too Little Politics. *Comparative Politics*, Vol. 36, No. 2.

Niblock T. 2005. Civil Society in the Middle East // *A Companion to the History of the Middle East*. Edited by Youssef M. Choueiri, 487. Oxford: Blackwell Publishing.

Samad A.Z. 2007. Civil Society in the Arab Region: Its Necessary Role and the Obstacles to Fulfillment // *International Journal of Not-for-Profit Law*, №9 (2).

Sean Y. 2005. Civil society and democratization in the Arab world // *Middle East Review of International Affairs*, vol. 9, №4. Pp.14-33.

Yom S.L. 2005. Civil Society and Democratization in The Arab World // *The Middle East Review of International Affairs (MERIA)*, Vol. 09, №04 (Dec 2005). URL: <http://www.eden.rutgers.edu/~spath/351/Readings/Yom%20-%20Civil%20Society%20and%20Democratization%20in%20Arab%20World.pdf>.